

— Твоя кровь действительно особенная, и твои физические способности намного превосходят обычных людей, — наблюдал за Цзянь Хуаем А09, — К сожалению, ты слишком молод.

А09 ударил по стене, и вся ложа второго этажа превратилась в болото. Цзянь Хуай оказался в ловушке, без опоры, не имея возможности выбраться.

— Я всегда считал, что Шань Гулань напрасно тратит свою способность «Глубокая Трясина», — сказал А09, — Она вечно не может найти подходящий момент и метод для использования своих сил. Недостаток жестокости — вот её слабость.

А09 продолжил:

— Я наблюдал за тобой. В этот А-классный мир пришли только вы двое, верно? После того, как Шань Гулань получила статус резонатора сознания, тебе следовало немедленно уйти с этим статусом. Ты так усердно работал, истекая кровью и используя лазейки в правилах мира, чтобы получить очки. Почему ты просто не купил то, что нужно, и не ушёл?

— Зачем гневаться на того, кто сам выбрал отказаться от жизни?

А09 щёлкнул пальцами перед Цзянь Хуаем. Воздух вокруг него внезапно исчез. Цзянь Хуай видел, как двигаются губы А09, словно он что-то говорит, но не слышал ни звука!

Потому что звуку нужна среда для распространения!

Нижняя часть тела Цзянь Хуая была в болоте, верхняя — в вакууме, созданном А09. Вскоре он задохнётся.

— Какая разница, что твой кровавый туман может убивать? — с презрением смотрел на Цзянь Хуая А09, — Сначала твоя кровь должна до меня добраться, разве не так?

Цзянь Хуай не слышал его, но по движению губ примерно понимал, о чём речь.

Он пытался выбраться из болота, но чем больше боролся, тем больше тратил кислорода, и вскоре силы покинули его.

Цзянь Хуай видел, как А09 улыбается сверху, но зрение затуманивалось. Нехватка кислорода вызвала галлюцинации. Перед глазами вспыхнул яркий свет, и Цзянь Хуай смутно увидел Цзянь Боханя.

Цзянь Бохань в белом медицинском халате держал на коленях маленького Цзянь Хуая, его голос был полон любви:

— Сяо Хуай, тебе грустно?

Лицо маленького Цзянь Хуая уже синело от нехватки кислорода. На нём был беспроводной шлем, и он слышал Цзянь Боханя только через него.

Цзянь Бохань взял его холодную ручонку и сказал:

— Я знаю, тебе больно, но в будущем ты можешь столкнуться с подобным. В такие моменты каждый глоток воздуха даёт тебе шанс выжить.

Сознание маленького Цзянь Хуая плыло. Даже лицо Цзянь Боханя исказилось.

— Если хочешь жить — разбей этот шлем. Не жди милости от врага, — холодно смотрел на него Цзянь Бохань, — Сейчас ночь. Если ты умрёшь сейчас и родишься завтра — это даже к лучшему. Тогда у меня будет обычный сын. Мы все умрём в конце концов. Если не сможешь выжить в будущем — лучше умереть сейчас.

Маленький Цзянь Хуай сжал кулачки, уставившись на шлем. Вспышка крови — и шлем треснул.

Цзянь Бохань обнял его, с грустью и радостью в голосе:

— Хорошо, если бы ты умер вот так.

Цзянь Хуай в болоте медленно открыл глаза. Большая часть его тела уже погрузилась в трясины, А09 улыбался, ожидая, когда он задохнётся.

Рука Цзянь Хуая, зарытая в грязи, сжимала кинжал. С трудом он пошевелил пальцами, затем закрыл глаза и опустил голову, будто сдаваясь.

— Притворяешься мёртвым? — сказал А09, — Обычный человек уже бы задохнулся, но ты иной. Ты слишком силён. Я продлю время.

Он прижал ладонь к стене. «Глубокая Трясина» превратила стену в болото, и рука А09 погрузилась в неё. Когда он уберёт руку, болото исчезнет через десять секунд.

А09 использовал «Глубокую Трясину», чтобы ограничить движения Цзянь Хуая, и свою способность — чтобы лишить его воздуха. Если бы не болото, с его силой Цзянь Хуай мог бы просто проломить стену. Тогда вакуумная зона не была бы ему помехой.

Поэтому А09 приходилось поддерживать болото.

Он пристально смотрел на неподвижного Цзянь Хуая, проверяя, действительно ли тот мёртв.

Внезапно А09 почувствовал острую боль в ладони. Несколько кровавых лезвий, сформированных из жидкости под высоким давлением, вырвались из его руки, погружённой в болото. Они пронеслись по воздуху, оставляя на теле А09 бесчисленные раны, вынуждая его отпустить стену.

Через десять секунд болото исчезло. Цзянь Хуай, казавшийся мёртвым, опёрся на локоть и выпрыгнул из земли.

Он наконец покинул вакуумную зону и вдохнул полной грудью.

— Кто сказал, что нет среды? — обратился он к А09. — Болото, созданное тобой, и есть среда!

Кровавые лезвия превратились в туман. А09 не успел увернуться и снова был поражён

разрушительной энергией, падая замертво. Цзянь Хуай убил его во второй раз.

Цзянь Хуай тяжело дышал. Он был измотан. Многократное использование способности к восстановлению истощало его. Кровь могла возвращаться, но требовала энергии — той самой «жизненной» энергии в его крови.

Но после нескольких больших кровопотерь и повторного использования энергии «жизни», его силы были на исходе.

Его кровь вредила не только другим, но и ему самому. Он мог выжить, только если силы «жизни» и «смерти» находились в равновесии. Если «жизни» не хватало, чтобы противостоять «смерти», Цзянь Хуай погиб бы от собственной силы.

К счастью, он убил A09 дважды, и сила «смерти» была во многом потрачена. Особенно способность «кровавых лезвий» — Цзянь Хуай использовал её лишь во второй раз. Впервые — в воспоминании, когда учился ей под руководством Цзянь Боханя. «Кровавые лезвия» — это энергия разрушения в его теле, сконцентрированная до предела, создающая эффект гидроабразивной резки.

Для использования лезвий требовалось некоторое мастерство.

Движения Цзянь Хуая в болоте заключались в том, чтобы сделать порез на теле кинжалом. Кровь вытекала, но он не позволял ей вернуться, используя немного энергии «жизни», чтобы залечить рану.

Так кровь оставалась снаружи.

Притворяясь мёртвым, Цзянь Хуай прикусил язык, создав ещё одну рану.

Кровь стремилась вернуться, но ей приходилось прорываться через преграду. Поскольку Цзянь Хуай был в вакуумной зоне, кровь сжимала энергию разрушения в лезвия, атакуя A09 и заставляя его отпустить способность.

Когда Цзянь Хуай вышел из вакуумной зоны, лезвия вернулись в тело.

То же самое произошло, когда его учил Цзянь Боханя. Сначала он поцарапал ладонь, затем прикусил язык. Кровь, стремясь вернуться, пробил шлем, сформировав лезвия и позволив ему спастись.

Этому научил его Цзянь Бохань, но Цзянь Хуай сопротивлялся, ненавидя прошлое. Да и из-за нехватки кислорода воспоминания были смутными, поэтому он не вспоминал об этом.

Потеря памяти — вероятно, тоже была частью плана Цзянь Боханя, подумал Цзянь Хуай.

Он хотел, чтобы Цзянь Хуай помнил эту способность только в кризисных ситуациях, а в остальное время жил обычной жизнью.

Цзянь Бохань жестоко тренировал его, но также надеялся, что он забудет болезненные воспоминания. В этом заключалось его противоречие.

«Так вот как я рос. Неудивительно, что я такой противоречивый», — подумал Цзянь Хуай.

С одной стороны, под влиянием большого воспитания Цзянь Боханя он сошёл с ума, как тот и хотел — до такой степени, что временами жаждал атаковать и причинять боль другим, подтверждая реальность мира через их крики. С другой — он неосознанно чувствовал тяжёлую любовь Цзянь Боханя, хотел ответить на неё, но не знал как, став неспособным отвечать на доброту других.

Он жаждал мира, надеясь быть принятым им, жаждал быть среди людей. Но он также сопротивлялся миру, ненавидел его и завидовал тем, кто жил под солнцем.

Он был одновременно ужасно напуган и полон надежды, замкнут и активен.

Он мог игнорировать жизнь и смерть, но также скорбеть о погибших перед ним.

Так же, как методы Цзянь Боханя, Цзянь Хуай был воплощением противоречия.

Цзянь Хуай спросил себя: когда Шань Гулань продала «слух», действительно ли не было способа спасти её?

Нет, способ был, и не один. Что значила потеря слуха? Можно было просто оглушить её, заставить упасть и перестать думать. Или ударить ножом, заставив вновь испытать страх, и Шань Гулань прекратила бы торги.

Было множество способов спасти её, но Цзянь Хуай не использовал ни один.

Почему?

Потому что он был отвергнут.

Потому что Шань Гулань сказала ему: «Ты не из этого мира. Это не твоя ответственность».

Эти слова разбили всю его уверенность. Он заколебался. Он не действовал, потому что считал себя недостойным.

Так же, как когда Цзянь Бохань покончил с собой — разве у Цзянь Хуая действительно не было возможности остановить его? С его скоростью и силой как он мог позволить Цзянь Боханю умереть у него на глазах? После стольких лет жизни рядом со страхом и бездной разве он испугался бы змеи и отдернул руку? Это была неправда.

Просто он услышал слова «Прости» и «Я не знаю, как любить тебя».

Цзянь Бохань отверг протянутую руку Цзянь Хуая, Шань Гулань отвергла его помощь, мир отверг его интеграцию. Ты отвергаешь меня, и я отвергаю тебя — так думал Цзянь Хуай.

Почему он хотел войти в мир за зеркалом?

Разве не из-за слов маленького Лан Нао Нао — «старший брат»? Потому что тот был так искренен, принимал Цзянь Хуая без условий, даже если не мог прикоснуться к нему, бросался вперёд, пытаясь обнять.

Потому что Лан Нао Нао принял Цзянь Хуая, тот и захотел прийти в зеркальный мир, чтобы вытащить Ба Чжаоди назад, заставить её увидеть семью Лан Нао Нао своими глазами, понять,

какую катастрофу она принесла своей эгоистичностью!

Цзянь Хуай не знал любви и доброты. Сталкиваясь с ними, он терялся, инстинктивно сопротивлялся, но в глубине души отвечал на доброту.

Его мир был полон отвержения и боли, поэтому, когда его отвергали, Цзянь Хуай тоже закрывался.

Нет ничего болезненнее, чем слова «Ты недостойн».

И всего лишь миг сомнения привёл к смерти Шань Гулань. Печаль и беспомощность наполнили сердце Цзянь Хуая.

Хорошо бы, если бы он был чуть смелее.

Это была его вина.

A09 лежал на полу. По логике, он должен был быть мёртв. Но Цзянь Хуай оставался настороже. Сколько жизней можно купить за восьмизначное число?

— Вставай, — холодно сказал Цзянь Хуай. — Я не верю, что ты купил только жизнь Шань Гулань. Ты лежишь, притворяясь мёртвым, чтобы мне было проще убить тебя. Если тебя нельзя убить один или два раза — тысячу, десять тысяч раз, ты умрёшь!

A09, неподвижно лежавший, потрогал шею и поднялся. Он вздохнул:

— Ты действительно надоедливый ребёнок. Почему ты так бдителен?

Потому что он видел слишком много воскресающих мертвецов.

Видя, как А09 снова и снова поднимается, Цзянь Хуай вспомнил, что дядя Линь был таким же.

Цзянь Боханя не был дома и попросил дядю Линя забрать документы. Когда тот вошёл в дом, он превратился в монстра и начал атаковать Цзянь Хуая.

Шестнадцатилетний Цзянь Хуай испугался и спрятался, но всё же был пойман «дядей Линем», поэтому схватил кинжал и убил его.

Тогда Цзянь Хуай взял кинжал из кабинета Цзянь Боханя — он лежал на столе.

Хотя он боялся отца, в опасности он всё равно выбрал его комнату как убежище. Цзянь Бохань знал его так хорошо, что оставил на столе кинжал, которым можно было защититься.

Не зря Цзянь Бохань говорил, что кинжал — его подарок Цзянь Хуаю.

«Дядя Линь» был мёртв. Цзянь Хуай плакал, проходя мимо тела с кинжалом, но его схватили за лодыжку. В ужасе он отрубил «дяде Линю» руку.

В ту ночь «дядя Линь» воскресал бесчисленное количество раз. Он не был человеком — он был чудовищем. Цзянь Хуай прятался, и воспоминания о той ночи стали его вечным кошмаром.

Пока он не научился использовать кровавый туман, одновременно уничтожая силы «жизни» и «смерти» в теле «дяди Линя».

Ночной монстр был убит силой «жизни», а дневной человек — силой «смерти».

Когда он попал в больницу, Цзянь Хуай уже хорошо контролировал силу в крови. Он пытался использовать «жизнь», чтобы атаковать монстров, позволяя им жить нормально днём.

Единственное, чему научил его Цзянь Бохань — «выживать», «жить» любой ценой, но не тому, что значит жить счастливо.

Хотя он был очень уставшим, Цзянь Хуай всё ещё чувствовал, что может победить А09.

— Жаль, — вдруг сказал А09, — Если бы я не оставил резервную копию, ты бы действительно убил меня.

Он хлопнул в ладоши, и человек в форме сотрудника торгового центра вошёл, неся на руках ребёнка лет четырёх-пяти, который крепко спал.

— Это ребёнок из торгового центра исходного мира. Помнишь плюшевого мишку, который раздавал леденцы? — улыбнулся А09, — Ты же не думал, что духовные тела вселяются только в игрушки? Они могут вселиться в любой неодушевлённый предмет.

Цзянь Хуай, конечно, помнил мишку. Он даже получил от него два леденца и удивлялся, почему может прикасаться к ним.

Потому что леденцы были бесплатными, и многие дети получили их тогда.

Видя, как изменилось лицо Цзянь Хуая, А09 сказал:

— Не волнуйся. В леденцах, которые я раздавал, было довольно много духовных тел. Их было так много, что пришлось убивать одного за другим. Это было утомительно.

— О чём ты? — Цзянь Хуай не понимал. Судя по словам А09, выходило, что он защищал детей, в которых вселились духи.

— Я просто хотел, чтобы Ба Чжаоди, пробудившаяся рядом с торговым центром, доставила Нулевой Команде неприятностей. Я не планировал вредить обычным людям, — сказал А09, — Кто бы мог подумать, что она окажется такой безумной? Она распространила духовные тела повсюду. К счастью, моя способность всё ещё может убивать их, поэтому я не позволил им натворить бед.

Цзянь Хуай не мог поверить ему сразу.

А09 рассмеялся:

— Чего уставился? Трое обычных людей были приведены сюда Ба Чжаоди и проданы ею же.

Моя цель — только «Нулевая Команда», я не собираюсь вредить остальным. В конце концов, я атакую «Нулевую Команду», чтобы защитить мир.

— О чём ты? — растерянно спросил Цзянь Хуай.

A09 потрогал лицо ребёнка и вздохнул:

— Ты думаешь, «резонаторы сознание» — это кто? Спасители? Забудь. Они просто неудачники, которые не вынесли давления общества, не смогли взять ответственность за свои ошибки, выбрали отказаться от жизни и мира. Полагаться на таких для спасения мира — это идеализм Ши Чанфэна.

— Но только резонаторы могут войти в другие миры. Без них как закрыть вход? — не согласился Цзянь Хуай.

— Ты думаешь, вход действительно закрывается? Ха-ха-ха-ха! — громко рассмеялся A09, — Не мечтай. Пока «резонаторы» живы, вход может открыться в любой момент. Однажды, когда мир достигнет критической точки, все «резонаторы» одновременно откроют «дверь», и бесчисленные миры сольются с реальным. Ты думаешь, наш мир нормален и здоров? Ошибся. С тех пор, как Ши Чанфэн впервые открыл «дверь» десять лет назад, слияние миров уже началось и никогда не останавливалось! Однажды он станет огромным S-классным миром, куда опаснее остальных!

Цзянь Хуай вспомнил слова Шань Гулань: когда контакт между мирами поверхностен, ещё есть надежда на разделение. Но когда слияние зайдёт слишком далеко — это неизлечимо.

— За десять лет с момента открытия «двери» Ши Чанфэном, сколько «резонаторов» появилось в этом мире? — сказал A09, — Не знаю, являешься ли ты резонатором, но включая Ба Чжаоди, за десять лет появилось 2487 резонаторов. Некоторые умерли, но 1942 всё ещё живы.

Это число шокировало Цзянь Хуая.

Хотя он давно замечал странную нумерацию реликвий, он не задумывался об этом. Цзянь Хуай сталкивался с реликвиями трёх классов — S, A и B. Числа после каждого класса были трёхзначными (000). Сложив их, он осознал нечто ужасное — каждая цифра означала

«резонанс сознания», «слияние пространств».

A09 сказал:

— Я не хотел вредить этому ребёнку. Он из этого мира. Я просто привёл его, чтобы напугать тебя.

A09 поднял воротник ребёнка, и Цзянь Хуай увидел на его шее номер — 00000093. Номер нельзя подделать. Только резонаторы и люди этого мира имеют номера. Это не был заложник, привезённый A09 из реального мира.

— Только показав тебе этого ребёнка, я могу заставить тебя перестать злиться и выслушать меня, — A09 велел унести ребёнка, сел и сказал Цзянь Хуаю: — Моя цель одна — убить всех резонаторов, желательно в другом мире, потому что я не уверен, могут ли их останки открывать пространственные врата.

В глазах A09 мелькнула грусть:

— Думаешь, я хочу убивать бывших товарищей? Почему я стараюсь подготовить для них подходящую сцену, красивый сон перед смертью? Потому что мне тоже больно. Я вырастил их.

— Ты тоже из Нулевой Команды? — удивился Цзянь Хуай.

A09 горько улыбнулся:

— Не знаю, видел ли ты моё досье. Меня зовут Пэй Няньши. Я был первым капитаном в Первом Регионе Китая, современник Ши Чанфэна. Через три дня после того, как он открыл «дверь», я открыл свою.

Цзянь Хуай мало знал о внутренней структуре Нулевой Команды. Он никогда не слышал имени Пэй Няньши, но интуиция подсказывала, что A09 не лжёт.

Пэй Няньши сказал:

— Позволь представиться. Мой номер — S-001, реликвия Пэй Няньши, S-класса. Возможно, ты не знаешь, но каждая S-классная реликвия — это человек. В мире их десять. Шесть, включая меня, мертвы, четверо живы. Шесть мёртвых S-классных реликвий, включая меня, были похоронены в других мирах, потому что мы не хотели, чтобы тела оставались в реальном мире и вызывали катастрофы. Кроме того, капитан Первого Региона Ши Чанфэн — номер S-000, и капитан Третьего Региона Цэнь Синхо — номер S-009.

— Ши Чанфэн — S-классная реликвия? Он может соединять пространства, он... — Цзянь Хуай собирался тайно атаковать Пэй Няньши, но его слова заставили его остановиться.

Пэй Няньши словно читал мысли. Он точно видел, что творилось в душе, и использовал слова, чтобы рассеять враждебность Цзянь Хуая.

— Ши Чанфэн тоже готов умереть в другом мире в любой момент во время миссии, — сказал Пэй Няньши. — Никто из нас, S-классных реликвий, не боится смерти. Мы готовы защищать мир. Даже если ты убьёшь меня сегодня, я буду счастлив, потому что ты поможешь мне защитить мир.

Его лицо было спокойным, будто жизнь действительно не имела для него значения.

Пэй Няньши посмотрел вниз на рыдающую Ба Чжаоди:

— Если ты не сможешь убить меня, я убью ещё больше «резонаторов сознания», пока не умру сам.

— Но без «резонаторов» никто не сможет исправить ситуацию, если пространственное слияние повторится, — сказал Цзянь Хуай.

— Мы можем отправлять регулярные войска с реликвиями A-класса и ниже, — ответил Пэй Няньши. — Просто оставить несколько реликвий с малыми побочными эффектами, которые могут переносить людей в другие миры. После входа применять политику уничтожения — убивать резонаторов сразу после обнаружения. Люди, отправляющиеся в миссии, тоже будут смертниками без права на возвращение. Таким образом, кроме нескольких оставленных реликвий, все угрозы будут устранены. Эти несколько реликвий должны выбирать безопасные миры. Даже если они откроют проход, это будет под контролем.

Его лицо оставалось спокойным, но слова были жестокими:

— Ши Чанфэн, как и ты, отверг этот метод, заявив, что Нулевая Команда может защитить мир. Он не пытается спасти мир, а спасает резонаторов. Это его идеализм. Я считаю, что такие, как мы, не должны жить вообще.

Сказав это, Пэй Няньши вдруг посмотрел на Цзянь Хуая, улыбнулся и сказал:

— Кстати, я действую не один. У меня есть команда.

Цзянь Хуай смутно почувствовал неладное.

— Тогда Шань Гулань, Ши Чанфэн и я были в миссии в другом мире. Шань Гулань и Ши Чанфэн не ладили и действовали раздельно. Я погиб, пока искал их, — сказал Пэй Няньши. — Но я жив сейчас. После возвращения Ши Чанфэн и Шань Гулань зарегистрировали мою смерть. Шань Гулань оставалась в сознании. Она видела, как я умираю, и как Ши Чанфэн хоронит меня в другом мире. Как я мог выжить? Как я вернулся в реальный мир?

Сердце Цзянь Хуая сжалось, и часы зазвонили тревожно.

— Конечно, кто-то спрятал меня в пространстве, связанном с его телом, и провёз под носом у Шань Гулань, — сказал Пэй Няньши. — И почему я рассказываю тебе столько правды? Я жду подкрепления.

Как только Пэй Няньши закончил говорить, в аукционный зал вбежал мужчина в форме охранника. Номер на его шее был 00000574.

Пэй Няньши поприветствовал мужчину со второго этажа. Мужчина поднял глаза, и это был Ши Чанфэн!